

ease. All these processes are noted to be complicated by the individual and psychological, personal factors, that is especially important in account and predicting somatic and mental disorders. The author studied that personal competence in coping with stress, internal locus of control, all kinds of professional and social abilities and characteristics of social support – being a protective factor all this certainly softens pathogenic influence.

We proved that the causality of mental disorders is complex; the necessary point is solving the problem of a differentiated understanding of the specific causes. It is concluded that psychological research should be aimed at understanding the specifics multicausality, namely, which psychological factors act in the same plane, and others are in different planes. One of the urgent problems is noted to be the determination of the characteristics of social and psychological factors' effect in combination with other factors of influence. The author showed when predicting physical and mental disorders there must be considered individual psychological and personal factors. It is concluded that the essence of causation issues of a variety of organism's disease states is to examine the features of the complex interactions between pathogenic and protective internal and external factors.

Key words: causality, psychological determinants, mental disorders, affection of organism, multicausality, social and psychological factors, peculiarities, individual psychological factors.

Отримано: 18.01.2014 р.

УДК 159.923

А.В. Маричева

Интерсубъективность как фактор семиотичности симптомообразования в субъекта

А.В.Маричева. Интерсуб'єктивність як фактор семіотичності симптомоутворення в суб'єкта. Интерсуб'єктивність розглядається в якості проблеми взаємин суб'єктів, а також Я та Іншого. Висновки ґрунтуються на засадах філософського та психологічного аналізу, суб'єктної та структурно-аналітичної парадигми. Есплікується лінгвістична структура невротичного симптому. Ми розглядаємо, як в психотерапевтичних відносинах формується інтенціональна спільність, створюється спрямованість на горизонт можливостей розуміння та інтерпретації «іншої» або «інших» картин світу. Розглянуто аспекти інтерсуб'єктивності, пов'язані з мовною природою несвідомого суб'єкта. Виділяються семі-

отичні особливості невротичного симптомоутворення, описуються форми невротичної психопатології та психотерапевтичні наслідки, засновані на виявлених закономірностях.

Ключові слова: суб'єкт, інтерсуб'єктивність, інтенціональна спільність, психотерапія, несвідоме, симптом, структурний психоаналіз, психолінгвістика, семіотика, картина світу.

А.В.Маричева. Интерсубъективность как фактор семиотичности симптомообразования у субъекта. Интерсубъективность рассматривается в качестве проблемы взаимоотношения субъектов, а также, Я и Другого. Сделанные выводы основываются на принципах философского и психологического анализа, субъектной и структурно-аналитической парадигмы. Эксплицируется лингвистическая структура невротического симптома. Мы рассматриваем, как в психотерапевтических отношениях формируется интенциональная общность, создается направленность на горизонт возможностей понимания и интерпретации «другой» или «других» картин мира. Рассматриваются аспекты интерсубъективности, связанные с языковой природой бессознательно-го субъекта. Выделяются семиотические особенности невротического симптомообразования, описываются формы невротической психопатологии и психотерапевтические следствия, основанные на выявленных закономерностях.

Ключевые слова: субъект, интерсубъективность, интенциональная общность, психотерапия, бессознательное, симптом, структурный психоанализ, психолингвистика, семиотика, картина мира.

Постановка проблемы. Современная отечественная психология субъекта и парадигма глубинной психологии, а также опирающиеся на них формы психотерапевтической теории и практики в настоящее время испытывают необходимость дополнения имеющихся представлений о сознательном и бессознательном функционировании субъекта идеями и наработками лингвистики и семиотики, адекватная взаимосвязь с которыми невозможна без нахождения единой логической и непротиворечивой философской основы, которой, по нашему мнению, выступают представления о феномене интерсубъективности.

Анализ источников. Интерсубъективность – это особая общность между познающими субъектами, необходимое условие взаимодействия и передачи знания или значимости опыта одного для другого. Проблема интерсубъективности рассматривается Э.Гуссерлем в «Пятой картезианской медитации» [2]. Осуществляемый им «опыт феноменологической рефлексии» требовал исключения «наивной» опоры на предшествующий сознанию мир как тут-объективно-сущий и нахождения нового основания для обеспечения значимости опыта рефлекс-

сии. Э.Гуссерль делает попытку обоснования рефлексии через саму рефлексию, полагая, что каждый субъект, рефлексируя, выстраивает мир специфически, этот мир – опыт субъекта, зависящий только от его познания. Следовательно, решение – в проблеме взаимоотношения субъектов, в частности, Я и Другого. Э.Гуссерль полагает, что Я выстраивает в себе Других и складывает интерсубъективную общность предполагаемых виртуально субъектов. Каждый из них имеет мир в своем опыте, что придает ему факт существования как основы индивидуального опыта Я. На основе интерсубъективной общности формируется интенциональная общность, характеризующаяся направленностью на горизонт возможностей понимания и интерпретации «другой» или «других» рефлексий мира. Позднее Э.Гуссерль вводит понятие «Жизненного Мира» как основания интерсубъективности – особого психологического пространства, которое задает основные «мотивы» для «вариантов интерпретации» любого акта активности субъекта.

В дальнейшем тема интерсубъективности рассматривалась в рамках аналитической философии как проблема общезначимости логических и языковых форм (Б.Рассела, Р.Карнапа, В.Куайна), в рамках феноменологии как проблема конфликта претензий конституирующих субъектов (Ж.П.Сартр) и как проблема существования тела в качестве общезначимого основания рефлексии субъекта (М.Мерло-Понти).

Проблему интерсубъективности относительно языковой природы бессознательного разрабатывал Ж.Лакан [3], с точки зрения которого взаимодействие Субъект – Другой происходит в поле языка и представляет собой символический обмен, в результате которого субъект получает возможность идентифицироваться с опытом и социальным статусом Другого, где означаемое (желание Реального) получает свое означающее, позволяющее вписать его в Символическую структуру.

Формулирование целей и задач статьи. Эта статья призвана рассмотреть аспекты интерсубъективности связанные с языковой природой бессознательного субъекта, на основе чего мы выделим семиотические особенности невротического симптомообразования и опишем формы невротической психопатологии.

Изложение основного материала. Цепочка означающих представляет собой средство социального опосредования желания субъекта, детерминированного желанием Другого, и тем самым является способом трансцендирования структуры соб-

ственного влечения. Амбивалентность воображаемого дуального отношения между Я и Другим приводит субъекта к созданию элементов схожести и различий в обретаемой идентификации с Другими. В воображаемый момент понимания субъект расщеплен между Воображаемой идентификацией с другими и испытывает страх из-за своего возможного отличия от них.

Такая двойственность преодолевается посредством вмешательства самооценивания, когда субъект объявляет себя каким-либо, противостоя Другому. Таким образом, характер отношений субъект-Другой, по мнению Ж.Лакана, определяет специфику нарушений функционирования психического аппарата субъекта. Нарушения нормального функционирования психического аппарата традиционно принято соотносить по степени тяжести наблюдаемого дефекта с уровнями невроза, психоза и перверсии. Уровень невроза предполагает интеграцию собственной субъектности, формирующейся под давлением социальных предписаний, не всегда соответствующих природе субъекта. Уровень психоза предполагает полную утрату связи субъектности с социальной средой или ее фрагментированность, а уровень перверсии отражает состояние лабильности субъектности личности, выстраивающей ее не столько в противовес социальной обусловленности, сколько параллельно и независимо от нее.

Отношения «субъект-Другой» составляют основу регистра Символического. Данное измерение жизненного опыта есть, прежде всего, структурный уровень языка и социальных отношений. Будучи «Бытием-для-других», субъект вынужден принести свои потребности и эгоцентричные желания в жертву законам и ценностям социально-исторического окружения.

Основная особенность интерсубъективности заключается в ее принципиальной невозможности – с одной стороны, и к фундаментальному тяготению к ней субъекта – с другой, что и определяет его структуру, как некое место в аналитической топологии его жизненного пространства, данного в координатах означающей символической «сетки». То есть, структура субъекта определяется тем, что, являясь по сути «пустым местом» в системе межсубъектных отношений, он пытается сориентироваться в них, заняв определенное положение относительно трех векторов – собственного желания, материнской первичной символизации, определяющей его нарциссический образ, и вторичной символизации, опирающейся на «имя Отца», выступающей в форме «мета-языка», «мета-дискурса», задающего смысл и определя-

ющего статус реальности/нереальности первичной материнской символизации.

Таким образом, определяются три координаты, характеризующие степень удовлетворения потребности в самоориентации субъекта, которая Ж.Лаканом была размещена на полюсе пересечения регистров Реального и Символического и названа «страстью познания». Субъект определяет себя относительно Другого опираясь на три структурообразующих фактора:

- свое бессознательное желание, как желание Другого, которое является всего лишь относительно удачной догадкой о том, к чему этот Другой вожделеет;
- свой симптом, который является способом имитации субъектом того, к чему предположительно вожделеет Другой;
- вторичная выгода от симптома, которая, обладая парадоксальным характером, позволяет субъекту сохранить иллюзию независимости от произвольности Другого.

Оперирующий категорией «границы» в качестве объяснительного принципа в симптомообразовании А.Ш.Тхостов [4] отмечает, что несовпадение натурального и культурного тела человека образует зазор в пространстве которого развиваются специфические расстройства, относимые к группе функциональных или конверсионных симптомов, принципиальной особенностью которых является сочетаемое отсутствие какой бы то ни было объективной патологии с особым символическим смыслом данного нарушения.

Принципиальная возможность их реализации обусловлена подвижностью границ телесного Я, позволяющих создать особую конфигурацию «ложных границ», имитирующих органическую патологию. Хотя эта гипотеза нуждается в специальном обсуждении и доказательстве, можно предположить, что механизм формирования конверсионных симптомов заключается в том, что они разворачиваются только в сфере «полупрозрачных» функций, которыми человек овладевает (или принципиально может овладеть).

Сущность конверсионной патологии заключается именно в отказе-поломке управления этими функциями (или, напротив, введении скрытого управления ранее автоматизированными функциями) и перемещении границы субъекта с внешнего контура к внутреннему.

Нарушение движений в случае астазии-абазии, мутизм, колиты, запоры, поносы, энурез, нарушение глотания, рвота, одышка, аспирация и пр. происходят не на анатомическом или

физиологическом уровне, а именно как нарушение регуляции, перемещение зоны контроля и сама возможность конверсионных функциональных расстройств является платой за превращение анатомического организма в культурное тело и приобретением им семиотических свойств.

Близкое понимание ограниченности сознательного Я содержится в философии М. М. Бахтина [1], считавшего, что я-для-себя – это не весь Я. Я превышает всякий объект в переживании своей субъективности и абсолютной неисчерпанности в объекте в противоположность чистой исчерпанности Другого.

Такое понимание не только целиком согласуется с представлениями Ж.Лакана, но и претендует на более грациозное решение проблемы субъекта, так как не требует большого допущения психоаналитических аксиом. Так, феномен фантазма он описывает в терминах фантомности телесных проявлений, фантомов в восприятии реальности и собственно статуса реальности самой объективной реальности.

Заключая вышесказанное, мы можем утверждать, что особенности интерсубъективности, включающие организацию активности субъекта в качестве манифестации, заявления о своей сущности, которая должна быть «увидена» и тем самым подтверждена Другим, задают специфическую «топографию» субъекта, включающую симптоматику, телесность, формы активности в качестве означающего, которое, будучи принятым или отвергнутым Другим, получает возможность функционировать в качестве означающего, означаемым для которого выступает сам субъект.

Субъективная реальность субъекта строится в процессе символизации, то есть в процессе скольжения (движения) цепочки означающих над/под/вокруг означаемым, а мы с вами помним, что в нашем случае имеются несколько цепочек, то есть слов-значений, связанных ассоциативной связью и образующих некоторые семантические пространства.

Когда эти цепочки пересекаются, становится возможным образование метафоры, то есть замещение в одной цепочке слова словом из другой – это метафора. Замещенное слово подавляется таким образом, что ассоциативная связь с ним теряется, то есть, как бы вы не старались, но ваш клиент никогда его не назовет, продуцируя свободные ассоциации. Подавленное слово утрачивает ассоциативную связь, но взамен приобретает три связи – метафорическую (со словом заместителем), метонимическую – со всеми оставшимися в родной ассоциативной цепочке словами и

оксюморонную – двойную связь бинарной оппозиции, определяющую точный смысловой контекст употребления подавленного означающего, сохраняющуюся «через» или посредством слова-заместителя.

Подавленное слово становится означающим бессознательного желания, и именно его мы и ищем в процессе анализа, а освобождение от симптома происходит в том случае, когда мы находим это означающее и тем самым освобождаем его от метафорического подавления, а ассоциативную цепочку от фиксации, либо субъект находит способ парадоксального совмещения противоположностей в одно новое целостное означающее, что является признаком успешной репарации хорошего внутреннего объекта в ситуации «приращения смысла».

Таким образом, мы можем эксплицировать семиотические особенности симптомообразования субъекта в соответствии с лежащей в его основе лингвистической структурой невротического симптома. Мы видим следующие семиотические особенности невротического симптомообразования:

Симптом представляет собой метафорическую конъюнкцию. Например, психосоматический симптом «высокое давление» предполагает совмещение сферы телесности и сферы межличностных отношений с определением границ влияния и распределением функции власти.

Бессознательное желание представляет собой метонимическую конъюнкцию. Означающее является означающим бессознательного желания, пока оно не найдено и не артикулировано в четкой форме. Например, метод свободных ассоциаций направлен на выявление всех означающих, метонимически связанных с вытесненным означающим, а техника интерпретации представляет собой нахождение «общего знаменателя», нахождение которого стимулирует процесс осознания вытесненного.

Симптом представляет собой оборотную сторону вторичной выгоды. «Высокое давление» реализуемое субъектом в поведенческой активности приводит к тому, что симптом субъекта «давит» на окружающих с целью изменения их отношения и поведения, таким образом, давление внутри противоположности давлению снаружи.

Бессознательное желание представляет собой оборотную сторону двойной оксюморонной конъюнкции в форме double bind или «двойного зажима». Ситуация двойного зажима предполагает принципиальную невозможность ни частичного, ни полного удовлетворения бессознательного желания. Ставший

классическим пример шизофреногенного общения, в котором к идущему на поправку пациенту приходит мать и отстраняется при попытке последнего себя обнять, после чего спрашивает, неужели он по ней не соскучился, после чего пациент уходит в психотическое функционирование, хорошо иллюстрирует невозможность соответствовать ожиданиям значимого Другого и упорство в этом желании соответствия, приводящие к моменту расщепления, которое с лингвистической точки зрения можно рассматривать как отщепление означающего бессознательного желания от означающей цепочки. В результате этого оно меняет статус с вытесненного в предсознательный уровень, статус динамического бессознательного на статус потерянного, утраченного, ставшего частью описательного бессознательного, то есть собственно не означающим, а объектом бессознательного. Это положение отражает ситуацию «символического уравнивания», психоза и кошмара при так называемом горизонтальном расщеплении, или ситуацию «потерянного времени», наблюдаемую при диссоциации в процессе создания мультиличностной структуры в так называемом вертикальном расщеплении.

Ситуация «двойного зажима» создает условия для символического уравнивания, когда это отождествляется и смешивается с объектом – символ идентифицируется и смешивается с символизируемой вещью. Символ и символизируемый объект становятся одним и тем же, а две пересекающиеся означающие цепочки, принадлежащие разным семантическим областям «спаиваются» в одну – тем самым метафора утрачивает свой статус и становится элементом бредовой конструкции.

Семиотические особенности расщепления в ситуации double bind заключаются в том, что, фактически, отщепление подавленного означающего бессознательного желания приводит к ассимиляции одной означающей цепочки другой означающей цепочкой, то есть рисунок отражает модель «символического уравнивания» и образование «потери» опыта субъекта, фиксированного отщепленным означающим и, вследствие этого, потерявшего возможность быть артикулированным.

Выводы. Заключая вышесказанное, мы еще раз акцентируем внимание на необходимости рассмотрения интерсубъективности как системообразующего фактора симптомообразования у субъекта, имеющего семиотическую природу как конверсионных, так и иных невротических симптомов. Различные культуры систем межличностных отношений, приписывая субъекту специфические системы

ожиданий и запретов, создают различные конфигурации субъект – объектного разрыва, порождающие своеобразную типологию неосознаваемых семантико-семиотических конструкторов и неосознаваемых психологических образований, определяющих «культурно-исторический патоморфоз» [4] невротических симптоматических расстройств.

Список использованных источников

1. Сломский В. Михаил Михайлович Бахтин – философ известный и неизвестный / В. Сломский. – Брест: БрГУ, 2013. – 155 с.
2. Гуссерль Э. Картезианские медитации / Э. Гуссерль / пер. с нем. Д.Ю.Кралечкина. – М.: Академический проект, 2000. – 495 с.
3. Лакан Ж. Образования бессознательного. Семинары: Книга V (1957/1958)./Пер. с фр. А. Черноглазова. – М.: ИТДГК «Гнозис», Издательство «Логос», 2002. – 608 с.
4. Тхостов А. Ш. Топология субъекта. Опыт феноменологического исследования. Ч.2 / А. Ш. Тхостов // Вестник МГУ (Сер. 14 -Психология). – 1994. – № 3. – С. 4–15.

Spisok ispol'zovannyh istochnikov

1. Slomskij V. Mihail Mihajlovich Bahtin – filosof izvestnyj i neizvestnyj / V. Slomskij. – Brest: BrGU, 2013. – 155 s.
2. Gusserl' Je. Kartezijskie meditacii / Je. Gusserl' / per. s nem. D.Ju.Kralechkina. – M.: Akademicheskij proekt, 2000: – 495 s.
3. Lakan Zh. Obrazovanija bessoznatel'nogo. Seminary: Kniga V (1957/1958)./Per. s fr. A. Chernoglazova. – M.: ITDGGK «Gnozis», Izdatel'stvo «Logos», 2002. – 608 s.
4. Thostov A. Sh. Topologija subekta. Opyt fenomenologicheskogo issledovanija. Ch.2 / A. Sh. Thostov // Vestnik MGU (Ser. 14 -Psihologija). – 1994. – № 3. – S. 4–15.

A.V.Marycheva. Intersubjectivity as a factor of semiotic formation of subject`s symptom. Intersubjectivity is considered as a problem of relationships. We consider the intentional community is formed in the therapeutic relationship, that creates a focus on the horizon of capacity to understand and interpret the «others» pictures of the world. Our research is based on the principles of philosophical and psychological analysis of subjective and structural-analytical paradigm. We have described the linguistic structure of a neurotic symptom. We discussed unconscious nature of the subject and linguistic aspects associated with the problem of intersubjectivity. We described occurrence of neurotic symptom based on the semiotic aspects.

We described neurotic forms of psychopathology and psychotherapeutic investigation based on the revealed regularities. We focused attention on the need to consider intersubjectivity as system-forming factor. Subject's symptom has a semiotic nature as conversion so other neurotic symptoms. We defined specific features of intersubjectivity and «topography» of the subject, including symptoms of physicality, and forms of activity as a signifier. Violation of motions in the cases of colitis, constipation, diarrhea, enuresis, violation of swallowing, vomiting, shortness of breath and etc. do not occur on anatomic or physiological level. They occur as deregulation of movement control zone. Possibility of conversion functional disorders is a payment for conversion of the anatomical body in the cultural body and its acquisition of semiotic properties.

Key words: intersubjectivity, subject, psychotherapy, unconscious, symptom, psycholinguistics, semiotics, structural psychoanalysis, intentional community, world view.

Отримано: 15.12.2013 р.

УДК 159.923:378

З.М. Мірошник, І.О. Талаш

Побудова професіограми викладача вищої педагогічної школи: рольовий підхід

З. М. Мірошник, І. О. Талаш. Побудова професіограми викладача вищої педагогічної школи: рольовий підхід. Професіограма містить структурований опис особливостей професії викладача вищої школи, відомості про перспективи розвитку професії, професійні функції, знання та вміння; побудована на засадах рольового підходу. Професіограма відображає специфіку науково-педагогічної діяльності, тому психофізіологічні вимоги до особистості викладача та опис професійних умінь систематизовані відповідно до психологічної структури його діяльності, що актуалізуються у рольовій поведінці педагога з домінуванням певної ролі відповідно до ситуації і задач професійної діяльності. Системоутворювальними компонентами професіограми, що забезпечують її цілісність і гнучкість, є рольова компетентність, рольова гнучкість і рольова глибина.

Ключові слова: професіограма, професійні знання, професійні вміння, професійні якості, професійні функції, психологічна структура